

ЛЕКЦИЯ 10

Я как бы закончил Платона в прошлый раз, но он все равно будет у нас мелькать и дальше: без него как без рук в греческой философии. И поэтому я не прямо сейчас начну излагать Аристотеля, а попытаюсь выявить какие-то сквозные темы, так чтобы потом уже систематическая философия Аристотеля, наложившись на эти выявленные темы, приобрела какую-то понятность, то есть дала нам возможность помыслить это силами своего ума (не в том смысле, что мы не такие умные, как Аристотель, и перед нами какая-то формула, написанная им, которую трудно понять просто потому, что он был очень умным, а мы — совсем идиоты, а в том смысле, что, даже будучи идиотами, мы все-таки можем понять то, что может стать возможностью нашего мышления). Мы можем это помыслить — вот простое, но фундаментальное правило чтения историко-философских текстов (к сожалению, оно редко выполняется и читателями, и комментаторами).

Комментатор, например, расскажет, что Аристотель учил об энтелехиях. Это можно запомнить, но понять этого нельзя, хотя все слова понятны. Почему нельзя понять? Потому что мы этого не можем помыслить, и нам кажется, что это мыслилось когда-то и вот просто есть некое сведение, которое почему-то полезно запомнить, — смысла оно для нас не имеет, так же как для нас не имеет смысла учение Декарта

о врожденных истинах. Мы ведь умные, мы знаем, что истины не могут быть врождены, а Декарт почему-то считал, что они врождены. Если мы просто знаем, что учение Декарта содержит учение о врожденных истинах, то мы не знаем того, что знаем, потому что мы знаем учение Декарта о врожденных истинах только в той мере, в какой мы можем помыслить, что это можно сказать. То же самое относится к энтелехии и проблеме актуальности у Аристотеля, проблеме потенциальности у Аристотеля, проблеме формы у Аристотеля, проблеме идеи у Аристотеля и так далее. Все это мы должны попытаться как-то помыслить. Значит, сделаем так, чтобы постепенно подойти к нашей способности помыслить, вернее, постепенно нарастить нашу способность помыслить.

Для начала мне придется ввести (частично на том материале, который я уже использовал) проблему, которую условно можно назвать проблемой дискретности, относится ли этот термин к миру, так что, скажем, в мире можно видеть атомы, как увидели в Античности, или относится к мышлению, в котором тоже можно увидеть атомы, как их увидел, например, Платон. Правда, в данном случае он атомами называл души в очень странном контексте (я предупреждал, что без Платона мне не обойтись), и контекст, в котором эта платоновская мысль вдруг вынырнула (условно назовем ее атомистической, хотя, повторяю, я пока под атомизмом не имею в виду никакого специального учения об атомах, никакой специальной атомной гипотезы строения материи, мира и так далее), такой, что Платон говорит (если несколько перефразировать его мысль и воспроизводить буквальную цитату лишь кусками): порядок в нашей сознательной жизни и вообще в том, что акты мышления могут осуществляться и затем повторяться, предполагает, что существует некоторая конечная по числу (подчеркиваю, конечная по числу) совокуп-

ность душ, единиц душ^{*}. Ибо если бы с каждым рождением рождалась новая душа (с каждым родившимся человеком, который, родившись, вступает в какой-то процесс или поток мышления), то был бы сплошной хаос и беспорядок (последние куски уже буквальные цитаты из Платона).

И число этих душ, говорит Платон, или душ-единиц, постоянно и конечно, допустим, несколько тысяч (я дальше продолжу мысль Платона, чтобы привести какое-то конкретное число и конкретную метафору или сравнение; правда, они не упростят дело, а сделают еще более запутанным, но хотя бы у нас будет какой-то словесный материал), так же как число очагов в полисе должно быть постоянным, имея в виду под полисом хорошо управляемый воспроизводящийся полис, в котором были законы и продолжают быть законы, — гармоничный полис, условно скажем так. Так вот, чтобы было так, количество очагов должно быть постоянным, должно быть задано число очагов, число очагов не размножается. Это очень своеобразная, фактически атомистическая гипотеза, в данном случае относящаяся к сознанию и мышлению. Все это очень странно. Размышления на эту тему, конечно, ее не исчерпывают, но помогут нам потом понять некоторые отвлеченные понятия аристотелевской философии, которая внешне, по видимости является полным отрицанием атомистической гипотезы и полемикой с пифагорейско-платоновской традицией. Но тем не менее есть некоторые вещи, которые, как нитки, изнутри пронизывали насквозь и поперек греческое мышление и связывали совершенно различных авторов в некоторое единое, почти что одним шагом выполняемое размышление об одних и тех же проблемах, хотя этот шаг занял несколько столетий.

* Ср.: Платон, *Тимей*, 41d–44d.

Чтобы потянуть нить, условно названную проблемой дискретности, коротко напомним, что мы говорили о некотором интервале, который скрыт совмещенностью объекта, предмета в мире и несомненной достоверности сознания для самого себя: предмет и достоверное для самого себя сознание совмещены неразрывным образом и порождают в нашем видении мира некоторую иллюзию, которую я назвал иллюзией самопроизвольности, переносимой на предмет. Так же как мы просыпаемся, переходим от сна к бодрствованию, и сознание пробужденности абсолютно совмещено с причиной, которая вызвала пробуждение, так что расколоть это нельзя, так и вещи в мире переходят от состояния покоя к состоянию движения, то есть проявляют себя. Взяли и проявились. Такие вещи мы не можем понимать. Значит, мы должны расщепить эту совмещенность, в том числе и нашего [, достоверного для самого себя,] сознания [и предмета в мире] (в данном случае образ сна и бодрствования есть только образ, или метафора), и протянуть нечто в интервал, внутри которого начинается отвлеченное мышление, выявляющее мир, как он есть, независимо от наложенной на него антропологической, или антропоцентристской, размерности. Эта иллюзия пробуждения или самопроизвольного перехода, внутри которого мы фактически одушевляем предметы мира, о которых рассуждаем, — она и есть именно антропоцентристская проекция, или антропоцентристское, антропологическое наложение на мир.

Я уже частично говорил, что теория элементов была одним из первых шагов в сторону снятия этого наложения, теория, где понятие элемента, в отличие от понятия вещи, вводилось как понятие, фиксирующее то, что мы видим, если снимаем человеческую проекцию, в том числе в себе. Как это ни парадоксально, мы на себя тоже проецируем человеческую проекцию и не можем увидеть себя, как мы есть. Здесь тоже

«как мы есть» отлично от того, как мы себя видим, так же как мир, как он есть, отличен от того, как мы его видим, до тех пор, пока не начали выявлять то, как он есть на самом деле, не связанный случайностью человеческой проекции (потому что ведь может быть проекция червя, марсианина). И не случайно одной из основных мыслей атомизма (в демокритовском варианте) является идея множества миров. Но множество миров понимается здесь не в более позднем смысле, какой это множество миров получило, например, у Джордано Бруно и в последующей философии Нового времени, где под множеством миров понимается наличие за данным миром еще другого мира во внешнем протяжении, за вторым миром еще какого-то другого мира, и таких миров бесконечное число; мир не один, например, есть не только наша Земля, вращающаяся вокруг Солнца (если мы даже поняли, что вообще Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли). Это вот наш мир, но дерзкая, великая якобы мысль была в том, чтобы увидеть, допустить за этим миром существование еще одного... и третьего, четвертого, пятого, десятого... И поскольку это неперечислимо, раз ты допустил десять миров, нет причины, как говорили древние, почему это, а не то или почему более это, чем более то, почему более десять, а не одиннадцать. Значит, есть одиннадцать миров. Ну а почему более одиннадцать, чем десять? Значит, есть двенадцать миров и так далее.

Я взял пример из философии Нового времени и завершил рассказ снова цитацией из античных фраз, в данном случае демокритовских. Это знаменитый принцип *ισονομίας*¹. Если я под бесконечностью мира понимаю, что миров много — один за другим, — то Де-

¹ *ισονομία* — равноправие, демократический образ правления. В более широком значении — отсутствие достаточного основания. — *Примеч. ред.*

мокрит скажет: ну почему более это, чем то, почему десять более, чем девять, имея в виду, что это множество миров нужно остановить; не в этом бесконечность состоит и не об этом нужно думать, но это нужно остановить. Значит, я остановил, сказав: почему более то, чем это? И оказывается, что у греков уже есть другая мысль о бесконечности — бесконечности помимо внешних отношений миров. В каждой точке может быть множество миров*, и в этом смысле их бесконечное множество, но бесконечное не в том смысле, что мы рассуждаем о мирах как находящихся во внешних отношениях (допустим, мы видим атом и рядом с ним другой атом и рассуждаем об атоме — фиксируем в одном месте, фиксируем похожий на него атом в другом месте и так далее): сам атом, как говорит Демокрит (и эта мысль странная, она противоречит, казалось бы, всей атомистической гипотезе, если она понимается как чисто естественно-научная гипотеза), может быть целым миром; в нем могут быть соответствующие деревья, животные, реки, только мы их не видим — они закрыты самим этим атомом.

Я хочу сказать, что эта идея бесконечности является идеей, условно скажем, качественной бесконечности, то есть идеей возможности принципиально разных миров, — не бесконечного множества похожих и однородных миров, которые растягивались бы во внешних отношениях в пространстве и времени, а принципиально других миров. А раз они принципиально другие, то они могут быть все в одной точке. Следовательно, мы можем размышлять и рассуждать о том, каков мир сам по себе, допустив возможность такой бесконечности. В каком смысле? Что значит качественно другой мир? Это мир, который был бы доступен размерности другого существа.

* Ср.: Диоген Лаэртский, IX 44.

Например, между светом и звуком нет принципиальной физической разницы в том смысле, что это волны, и можно представить (физическими законами это не исключено), что там, где одно существо, а именно человеческое, видит свет, другое существо слышало бы звук, а там, где мы слышим звук, видело бы свет. Это был бы другой мир. Физики приводят такой пример: можно в жидкость запустить капельку нерастворимой в ней другой жидкости, скажем, запустить в воду капельку особой нерастворимой краски или чернил и привести в определенном сосуде все это в движение; затем запускать другие капельки, и в зависимости от того, насколько быстрое движение (а можно задать такое быстрое движение, такую скорость, что некоторые сцепления этих капелек нерастворимой жидкости становятся для нас неразличимыми), перед нашими глазами будет двигаться один большой объект. В действительности это много капелек, а мы видим один объект, потому что такова разрешающая способность нашего зрения с его порогами. А другое существо, обладающее другими глазами, видело бы капельки там, где мы видим один, тождественный себе, предмет, перемещающийся в этой жидкости в пространстве и времени. Это разные миры.

Но ведь проблема мышления, как поняли ее греки, состоит в том, чтобы мыслить о мире, как он есть, то есть мыслить о нем в таких терминах, прийти к таким истинам о нем, которые были бы одними и теми же для всех существ. Вот что означали прежде всего желание и страсть снять человеческую размерность, наложенную на мир. Повторяю, что это снятие означало прежде всего разрушение иллюзии самопроизвольности как одного из первых человеческих экранов, которые стоят между человеком и пониманием им мира.

При этом то, что мы увидим в мире (увидим глазами души, конечно, или «повернув глаза души», как говорил Платон), это увиденное нами в мире тоже видит-

ся не только рассудочно, или чисто ментально (я ска- зал: глазами души), но и как явление, а именно тем шестым органом чувств, о котором я говорил. Я снова замыкаю темы: идея шестого органа чувств, или дополнительного органа чувств, имеющегося у богов, животных и философов (в отличие от людей), есть идея снятия размерности органов чувств при понимании того, что любые органы чувств случайны по отношению к устройству мира. Случайность, если в силу размерности моего глаза я вместо множества капелек чернил, перемещающихся в воде, вижу один большой, сохраняющий тождество самого себя предмет, перемещающийся в этой жидкости во времени и пространстве. Более тонкий взгляд другого существа увидел бы иначе. Но что же в этом предмете есть такое, что не зависит от того, как его увидит другое существо каким-то органом чувств, отличным от человеческого? Каков мир?

Повторяю: то, что увидится, — это явление. У истин мира, такого, какой он есть сам по себе, должны быть и есть носители. Небо есть носитель гармонии, это чувственный предмет, одновременно распластан- ный как понимание. Звезды относительно друг друга расположены как бы понимающе; красота такова, если она по канону. Красота, следовательно, производит: если она есть, если есть явление, то в нас производятся и воспроизводятся правильные мысли, или, как скажет Демокрит, законорождённые мысли, в отличие от незаконорождённых мыслей*. Я уже оговари- вал и предупреждал, что законорождённые мысли не есть мысли о законе, а есть мысли, порождаемые законом, то есть законосообразным предметом, формой. Если держаться внутри формы — внутри неба, — то в нас будут законорождённые движения и обороты души, они как бы порождаются небом. Значит, что- бы иметь в себе законорождённые мысли, мы должны

* Ср.: Секст Эмпирик, *Против ученых*, VII 138.

иметь такие предметы, которые в то же время суть какое-то конкретное явление. Существует странная фраза у нескольких греческих философов (я ее уже в другом варианте говорил, а сейчас приведу в этом): «истина и есть явление» или «явление и есть истина». Очень странная, ведь вы знаете и это справедливо, что греки как раз и вводили различие истинного мира и мира по явлению, вели полемику с тем, как мир представляется нашим органам чувств, и вдруг они же текстуально говорят, что истина и есть явление, явление и есть истина. Это можно понять только в том случае, если под явлением понимается явленность истины через особые предметы и в особых предметах (тогда все становится на место). Идеальный инструмент, производящий только правильные гармонии, — вот предмет пифагорейской математики. Небо — идеальный предмет, красота — идеальный предмет в том смысле, что она не предмет эстетического наслаждения, как скажет Платон, а предмет, дающий законопорожденные мысли и состояния.

И здесь возникла идея, которая как раз проигрывается в теме дискретности, с которой я начал. Напоминаю то, что я уже частично говорил: во-первых, законопорождающая основа представляет собой не просто порядок, а порядок порядков, не закон, а закон законов, в том числе, скажем, в случае Зенона, а потом уже атомистов — не движение, а движение движения. Это очень сложная степень абстракции. Во-вторых, закон законов, порядок порядков, движение движения представляют собой нечто минимальное, то есть они имеют минимальный шаг в сторону абстрактного и минимальный шаг в сторону конкретного. Таково небо: минимально должно быть явление и минимально понятие, хотя бы немножко (но не меньше, меньше не может быть) должно быть от явления, от чувственного, чувственно воспринимаемого и от понятийного, или абстрактного (дальше пойти нельзя,

это как бы предел мысленному движению). Минимальная связь двух шагов — в сторону чувственного и в сторону абстрактного, понятийного, меньше не может быть. Минимальное и, во-вторых, неделимое. Всегда, если есть, то полностью, а если нет, то совсем нет. Поэтому, кстати, Демокрит и скажет ту странную фразу, которую я приводил в другой связи: атом может быть целым миром, или целый мир может быть атомом, неделимым дальше, — или быть целиком, или совсем не быть. Неделимым, если мы его выделили в качестве такового, это как бы предел нашей способности различительного выделения мира. И третье, самое главное, что, придя во времени (то есть в движении мысли) к этому неделимому и минимальному, мы к нему самому уже не применяем временных терминов, или не разлагаем его во временных терминах, и должны допустить (...)

(...) устанавливая ее на таких предметах. В каком смысле слова? Греки очень любили приводить примеры из области ремесла (в связи с теорией идей Платона я говорил об этом), из области производства всяких изделий. И вот в ряд, состоящий из слов «рычаг», «круг», поставим еще слово «атом», имея в виду прежде всего понятие некоторой идеальной формы, которая одновременно, я подчеркиваю, — предмет. Это понятие не просто какая-то идея, сидящая в нашей голове, а еще и форма, обладающая свойством явления. Я ведь могу описать рычаг в терминах его движения, но одновременно рычаг — это нечто, что содержит в себе горизонт человеческих возможностей. Горизонт возможностей держится на одном предмете — это идея в платоновском смысле слова. (...) ¹

¹ Лекция 10 и в аудиозаписи, и в расшифровке сохранилась не полностью. — *Примеч. ред.*